

*А.С. Чесноков***Управление реэмиграционными процессами
в мировой политической практике**

Ключевые слова: соотечественники, диаспора, экспатрианты, реэмигранты, иммиграция, иммиграционная политика, государственная политика, внешняя политика.

Key Words: compatriots, diaspora, expatriates, re-emigrants, immigration, immigration policy, governmental policy, foreign policy.

Государственная политика, направленная на поощрение реэмиграции лиц, ранее выехавших из данной страны, как правило, является институционализацией стратегического взгляда правящей политической элиты соответствующей страны на зарубежные диаспоры соотечественников как на инструмент внешней политики, который можно использовать тем или иным способом для достижения государственных целей. В этом смысле политика поощрения реэмиграции обычно является не целью, а средством. Важно отметить, что стратегия управления реэмиграционными процессами не всегда инкорпорирована во внешнеполитический курс того или иного государства. Нередко идея «возвращения соотечественников» изначально возникает и развивается на общественном уровне – в среде землячеств экспатриантов, общин единоплеменников и/или единоверцев, находящихся за пределами родины. В этом случае идея возвращения выступает средством консолидации зарубежной диаспоры и часто имеет религиозную подоплеку. Кроме того, реэмиграционный процесс может разрабатываться и превращаться в последовательно реализуемую политику не в странах исхода эмигрантов, а в странах их приема либо в определенных международных организациях. Дело в том, что некоторые страны, имеющие избыточный уровень иммиграции реализуют специальные программы по содействию добровольному возвращению на родину части прибывающих и/или проживающих в стране прибытия иммигрантов. В то время как для международных организаций «реэмиграция» выступает формой глобального или регионального управления миграционными процессами, осуществляемого в целях экономического развития или из гуманитарных соображений. В двух последних случаях возвращение эмигрантов на родину становится для стран, отдающих население, скорее мерой, навязываемой извне, нежели чем внутренне назревшей, востребованной государством, обществом и экономикой потребностью.

Анализ иммиграционной политики и иммиграционного законодательства стран, поощряющих реэмиграцию, как правило, показывает наличие сложного

сочетания различных мотивационных факторов, заложенных в основу реализуемого курса. Причиной такой сложности является целый комплекс причин, среди которых: степень консенсуса в среде правящей элиты данного государства относительно того, кто такие соотечественники, проживающие за рубежом, и для чего они необходимы стране; финансовая, законодательная и управленческая готовность властей целенаправленно и последовательно проводить политику реэмиграции этих соотечественников; уровень и регулярность контактов органов государственной власти с организациями и общественными объединениями экспатриантов за рубежом, а также степень институционализированности этих объединений; наконец, собственно желание и готовность тех, кого обозначают понятием «соотечественники», на определенных условиях вернуться на «историческую родину».

Очевидно, что решение различных стран имплементировать реэмиграционную стратегию в национальное законодательство, внешний и внутренний политический курс связано с различными причинами, обусловленными историческими особенностями развития каждой конкретной страны. Так, для одних государств возвращение соотечественников (собираение нации) – это государствообразующая идея, которая давно и глубоко проникла в национальный менталитет и без которой немислима национальная культура и национальная идентичность. Для других государств – это способ решения демографических проблем (как правило, речь идет о двух взаимосвязанных демографических проблемах: о сокращении рождаемости до уровня ниже простого воспроизводства населения, что вызывает депопуляцию, а также об увеличении когорты лиц пенсионного возраста в общей структуре населения страны, что ведет к «старению» населения), которые воспринимаются через призму необходимости сохранения численности определенной этнической группы (как правило, являющейся государствообразующей), ее языка, доминирующей религии и культуры в целом. В этих странах концепция возвращения соотечественников играет роль фильтра, который должен отсеивать из иммиграционного притока лиц, нежелательных с точки зрения региона (страны) их происхождения, определенного вероисповедания и этнической принадлежности. Для третьих возвращение соотечественников – это способ решения демографических проблем, которые неизбежно влекут за собой проблемы не столько культурного, сколько экономического харак-

тера: увеличение расходов государства на социальное обеспечение пенсионеров, дефицит рабочей силы на рынке труда и т.д. Для четвертых государств концепция возвращения соотечественников – это инструмент аккумуляции инвестиционно-финансовых и научно-технологических ресурсов диаспоры для ускорения экономического развития страны. Наконец, для пятых государств концепция «возвращения соотечественников» является элементом официальной идеологии, направленной на обоснование определенных геополитических притязаний на присоединение или прямой контроль территорий, где проживают так называемые соотечественники.

Идея реэмиграции и возвращения на историческую родину неразрывно связана с понятием диаспоры [1] – греческим термином, который первоначально означал всю совокупность граждан древнегреческих полисов, расселившихся на территории основанных за пределами Эллады колоний. С III в. до н. э. термином «диаспора» стали обозначать рассеяние (насильственное переселение) евреев после завоевания Палестины сначала Вавилоном, а позднее Римом. В библейском Новом Завете понятие «диаспора» используется в расширительном ключе для обозначения всех христиан, проживающих за пределами Палестины, а в средние века диаспорой вновь стали называть еврейские общины, рассеянные по всему миру. Именно в это время понятие диаспора (рассеяние) стало имплицитно подразумевать идею собирания, возвращения, стремление к обретению родины. И не случайно сразу после провозглашения государства Израиль в 1948 г. правительство объявило, что страна будет открыта для приема еврейских репатриантов из стран рассеяния. Одновременно с этим в стране было создано Министерство абсорбции, на которое были возложены функции отбора, приема, обучения и адаптации репатриантов. И, несмотря на то, что далеко не все евреи покинули страны проживания ради возвращения в «национальный очаг», за 5 алий 2 репатриации – из Марокко и стран бывшего СССР, также ряд переселенческих операций в период 1880–1990-х гг. на территорию Палестины, а затем Израиля иммигрировали, репатрировались и были эвакуированы не менее двух миллионов евреев со всего мира.

В настоящее время термин «диаспора» утратил устойчивую связь с идеей возвращения, сбора представителей одной этнической и/или религиозной группы на определенной территории. Сегодня это понятие используется для обозначения групп мигрантов, проживающих за пределами страны рождения, однако поддерживающих более или менее устойчивые социальные, культурные и экономические связи со страной эмиграции, а также с другими группами мигрантов из этой же страны.

Последние десятилетия XIX в. и начало XX в. ознаменовались активизацией эмиграции из большинства

европейских (Россия, Ирландия, Италия, Франция, Германия, Греция) и некоторых азиатских (Япония, Китай, Индия) стран в Северную и Южную Америку, в Африку и страны Океании. Это достаточно быстро привело к появлению развитой и разветвленной сети множества этнических диаспор по всему миру. В первой половине XX в. процесс становления и укрепления диаспор стал сопровождаться постепенной институционализацией их отношений, с одной стороны, с правительствами принимающих стран и, с другой стороны, с правительствами стран исхода. Именно в это время процессы реэмиграции обретают в целом ряде государств мира форму последовательно реализуемой политики защиты прав соотечественников за рубежом и их возвращения на родину. Помимо репатриации в Израиль, в XX в. имело место немало примеров реэмиграции, и это всегда было связано с разными причинами и происходило в различных обстоятельствах. В 1910–1920-х гг. проводимые Османской империей, а затем Турецкой республикой репрессии против армян, ассирийцев и греков, а также Первая и Вторая Балканские войны вызвали интенсивные добровольные и вынужденные миграционные перемещения населения на Балканском полуострове и в Малой Азии. Одним из главных миграционных трендов этого периода стало перемещение представителей разных этнических групп, преимущественно армян, турок и греков, на территорию национально-государственного самоопределения соответствующих народов.

В 1920–1950-х гг. Советский Союз постоянно настаивал на отчасти добровольном, а отчасти принудительном возвращении соотечественников – эмигрантов, бежавших от большевистской власти в годы Гражданской войны, – из европейских стран обратно на родину. Первым шагом советской власти в этом направлении стали декреты ВЦИК от 3 ноября 1921 г. и ВЦИК и СНК от 9 июня 1924 г. об амнистии участников Белого движения, воспользовавшись которыми в страну вернулись почти 200 тыс. беженцев. Особо следует отметить тот факт, что СССР придавал немаловажное значение репатриации по этническому признаку. В частности, в апреле 1925 г. на Президиуме ЦИК СССР обсуждался доклад Крымского ЦИК и СНК о реэмиграции крымских татар из Болгарии и Румынии в Крым и о причинах эмиграции татар. Еще одним документом, характеризующим отношение советского государства к репатриации, стал Указ Президиума Верховного Совета СССР от 19 октября 1946 г., по которому лица армянской национальности, возвращающиеся из-за границы на родину в Советскую Армению, признавались гражданами СССР автоматически по пересечении государственной границы.

Не менее показателен пример Германии. После поражения страны в Первой мировой войне и создания Веймарской республики многие территории, ранее входившие в Германскую империю и населенные

преимущественно немцами, были включены в состав соседних государств. Для обозначения немцев, проживающих за пределами родины, стал использоваться термин «фольксдойче» (этнические немцы). Однако важное политическое и идеологическое значение фольксдойче приобрели только в годы существования Третьего рейха: до 1939 г. специально созданная государственная структура «Фольксдойче Миттельштелле» (Управление по связям с этническими немцами) занималась активной пропагандой идеи репатриации в Германию среди этнических немцев за рубежом. Немцы, возвращавшиеся в Германию, официально именовались «рейхсландерами». После 1939 г. управление сконцентрировалось на формировании «пятых колонн» и переселении немцев на оккупированные восточные территории. Фольксдойче, оставшиеся жить на оккупированных Германией территориях, получали особый статус и льготы. После войны Германия сохранила ориентацию на возвращение этнических немцев на родину, однако вместо дискредитированного нацистами термина «фольксдойче» стал чаще использоваться термин «аусландсдойче» (заграничные немцы). С 1951 г. в Германии целенаправленно реализуется политика содействия добровольному возвращению этнических немцев – «аусзидлеров» и «шпатаусзидлеров» (т.е. переселенцев, въехавших до 1993 г., и поздних переселенцев, въехавших после 1993 г.) – потомков немецких колонистов, осевших в странах Восточной Европы в XVIII–XX вв.

На протяжении XIX–XX вв. в США и странах Карибского бассейна среди американцев африканского происхождения имели определенную популярность призывы возвращения на родину предков – в Африку. Так, в 1816 г. в США создается Американское колонизационное общество, целью которого было поощрение эмиграции свободного афро-американского населения из США в Африку. В 1820–1830-х гг. Американское колонизационное общество выкупает на западно-африканском побережье земли у местных вождей и организует переселенческий процесс, итогом которого становится создание в 1847 г. первого в новейшей истории независимого африканского государства, провозглашенного переселенцами, – Либерии.

В 1916–1927 гг. в США благодаря активной деятельности предпринимателя, проповедника и общественно-политического деятеля, выходца с Ямайки, Маркуса Гарвея и под его непосредственным руководством разворачивается новая кампания по организации возвращения афро-американцев на родину – в Африку, а точнее, в Лиерию. Несмотря на то, что идея возвращения чернокожих американцев охватила достаточно широкие слои черного населения не только в США, но и в странах Карибского бассейна, против эксперимента с возвращением выступило правительство Либерии, а проблемы с законом привели к депортации Гарвея на Ямайку. Однако по возвращении на остров Гарвей

не прекратил миссионерской деятельности и в 1930 г. провозгласил, что пришедший к власти в этом же году в Эфиопии рас (принц) Тафари Маконнен, принявший титул императора Хайле Селассие I, является воплощением библейского Царя-Бога, которому суждено принести долгожданное освобождение всем страдающим под игом Вавилона рассеянными по миру африканцам и вернуть их на родину. Таким образом, зародилась новая религия – растафарианство, одной из главных идей которой стала идея возвращения. Правительства Ямайки, Великобритании и самой Эфиопии с подозрением отнеслись к идее репатриации в Африку и финансировать проект отказались, поэтому лозунг остался лозунгом и массового возвращения так и не произошло.

Следует отметить, что помимо ориентированной на репатриацию иммиграционной политики некоторых государств мира существуют также и программы реэмиграции, реализуемые не странами исхода, а правительствами некоторых стран, принимающих значительные потоки иммигрантов, или структурами ООН. Так, например, в Германии, Франции и Швейцарии начиная со второй половины 1970-х гг. действуют программы содействия добровольной репатриации иммигрантов (как правило, речь идет о лицах, ищущих убежища или имеющих статус беженца, либо лицах, пребывающих в стране на временной основе). Государственные программы включают в себя бесплатное консультирование и профессиональное обучение мигрантов; финансовую помощь и выплату специальных пособий на обустройство по возвращении на родину; бесплатную медицинскую помощь и содействие в организации переезда на родину. В рамках ООН две организации непосредственно связаны с программами содействия добровольному возвращению иммигрантов на родину. Во-первых, Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев реализует программы защиты беженцев, в том числе в виде содержания лагерей беженцев и перемещенных лиц и организации их добровольного возвращения на родину / в места постоянного проживания, по мере создания безопасных условий для возвращения, т.е. прекращения вооруженного конфликта или преодоления последствий стихийного бедствия. В 2005 г. УВКБ ООН способствовало добровольной репатриации 1,1 млн чел., из которых наибольшее число пришлось на беженцев, вернувшихся в Афганистан, Лиерию, Бурунди, Ирак и Анголу [2, с. 14]. Во-вторых, Международная организация по миграции, финансирует целый ряд региональных программ содействия добровольному возвращению и реинтеграции временных иммигрантов, действующих на территории Европы и Северной Америки. Основной задачей программ является оказание помощи в возвращении на родину прежде всего образованным и квалифицированным мигрантам – выходцам из стран Африки, Азии и Латинской Америки.

В конце 1980-х – начале 1990-х гг. процессы реэмиграции стали поистине глобальным феноменом, не только благодаря появлению и повсеместному использованию современных средств коммуникации и транспортировки, но и потому, что в мировые процессы реэмиграции включились такие демографические гиганты, как Индия и Китай. Последний использует реэмиграцию не только для привлечения финансовых ресурсов глобальной китайской диаспоры, но и как инструмент возвращения территорий, населенных «соотечественниками», под юрисдикцию КНР. Таким образом, Китай уже вернул себе Гонконг (Сянган) в 1997 г. и Макао (Аомынь) в 1999 г. и в настоящее время сосредоточил усилия на возвращении Тайваня.

Также на рубеже 1980–1990-х гг. некоторые страны Западной Европы и большая часть стран Восточной Европы и бывшего СССР, испытывавшие острую потребность в поиске новой (постсоциалистической и постбиполярной) идентичности, столкнулись с феноменом массовой иммиграции, появлению разнообразных и многочисленных диаспор. Многие из этих государств оказались не готовы к изменению общественной структуры в сторону полиэтничности и поликонфессиональности, а предлагаемая интеллигентами идеология мультикультурализма входила в радикальное противоречие либо с глубоко укорененными в менталитете традиционными со времен установления Вестфальской системы идеями нации-государства (у западных европейцев), либо потребностью в форсированном нацистроительстве (у восточных европейцев и на постсоветском пространстве). Поэтому в большинстве европейских стран в сфере иммиграционной политики был сделан акцент на сохранении в стране ситуации доминирования определенной (государствообразующей) этнической группы, которая одновременно является носителем доминирующей (языковой, религиозной и бытовой) культуры. Учитывая тот факт, что на протяжении XVI–XX вв. абсолютное большинство европейских стран являлись странами эмиграции и в процессе глобальной колонизации более или менее активно отдавали население Северной и Южной Америке, Австралии, в меньшей степени Африке и даже некоторым странам Восточной и Южной Азии, совершенно очевидно, что за пределами Европы образовались значительные, многотысячные и даже многомиллионные диаспоры выходцев из европейских стран и их потомков. Учитывая вышесказанное, а также на фоне очевидного демографического спада при относительно высоком социально-экономическом благополучии в Европе и нестабильном развитии бывших европейских колоний и зависимых территорий на современном этапе в Европе возникла идея катализации процесса реэмиграции как универсального решения целого ряда проблем: этнонациональных, демографических, культурных и экономических. Единственной страной

Азии, имеющей схожие с европейскими проблемы развития, в начале 1990-х гг. также сделавшей ставку на возвращение соотечественников из-за рубежа, стала Япония. Реэмиграция этнических японцев, особенно из Бразилии, на «историческую родину» в 1990-е гг. приняла массовый характер. Аналогичным образом интенсивный процесс реэмиграции в 1990-е гг. шел из Центральной Азии в Россию и ряд стран Центральной и Восточной Европы, а также из Южной Африки в Западную Европу. В настоящее время в России проведен целый ряд исследований преимущественно исторического и компаративного плана, касающихся проблем русской эмиграции, реэмиграции и репатриации [3].

Показательно, что наиболее интенсивно реэмиграция идет именно из тех стран и регионов, в которых мигрантам приходилось осваиваться в чужеродном для них культурном, религиозном, этническом и языковом пространстве. Существует немало примеров, показывающих, что возвращение экспатриантов в страны эмиграции во многом обуславливается более или менее жестким отторжением принимающего общества и потребностью самих экспатриантов в восстановлении разорванных социально-родственных и культурно-языковых связей со страной эмиграции [4]. В ряде случаев интенсивность репатриации может определяться наличием между принимающими и отдающими население государствами постколониальных связей или наличия в прошлом общей государственности [5].

Несколько иная ситуация сложилась с реэмиграцией в страны Азии. Практически все страны Восточной и Южной Азии в настоящее время имеют достаточно разветвленную сеть диаспор по всему миру. Однако, отчасти по причине нестабильного и крайне неравномерного социально-экономического развития, а также ввиду достаточно высокого уровня естественного воспроизводства населения ни сами представители диаспоры, ни органы власти стран эмиграции не торопятся поощрять массовую реэмиграцию. Это, впрочем, не означает невнимания властей стран исхода к своим соотечественникам за рубежом. Напротив, в ряде азиатских стран существуют специальные правительственные структуры, отвечающие за изучение потребностей соответствующей диаспоры и использование ее возможностей для всестороннего развития родной страны. Как правило, это организация системы приема денежных переводов и инвестиционных средств, а также поощрение возвращения избранных соотечественников (т.е. образованных, опытных и высококвалифицированных специалистов).

Следует отметить, что термин «соотечественник» по смыслу и содержанию значительно варьируется от страны к стране. Для одних государств соотечественник – это представитель определенной этнической группы, для других – лицо, владеющее определенным языком, исповедующее определенную религию или имеющее

определенные исторические/юридические связи с данной страной. Вместе с тем этот термин всегда выступает своего рода маркером, отличающим «своих» от «чужих» в иммиграционном притоке, а также фильтром, призванным еще на стадии разработки иммиграционной политики определить категории «желательных» для страны иммигрантов. В большинстве стран мира, являвшихся демографическими донорами, в 1980–2000-е гг. были созданы специальные государственные органы, в компетенцию которых входит определение приоритетов в выстраивании связей с диаспорой соотечественников и контроль реализации государственной политики в отношении соотечественников за рубежом. Например, в России такую функцию выполняет Правительственная комиссия по делам соотечественников за рубежом и Отдел по работе с соотечественниками за рубежом при Администрации Президента РФ; в Венгрии – Ведомство по делам зарубежных венгров, в Греции – Генеральный Секретариат по делам зарубежных греков, на Тайване – Комиссия по делам зарубежных соотечественников; в Китае – Канцелярия ВСНП по делам хуацяо и Канцелярия Госсовета по делам хуацяо, в Грузии – Государственный министр по делам диаспоры, в Бангладеш – Министерство благосостояния и зарубежного трудоустройства экспатриантов и т. д.

Содействие возвращению обычно не является единственной целью работы страны эмиграции со своими соотечественниками, нередко экспатрианты и их организации используются как канал политического влияния за рубежом и/или источник инвестиций.

Следует отметить, что работа по организации реэмиграции соотечественников с различным успехом ведется не только государствами, но и различными социальными общностями, имеющими четкую групповую идентичность и высокую степень сплоченности. Ассоциации соотечественников могут быть сформированы на разных основаниях: землячество страны исхода, землячество страны пребывания, профессиональные союзы, культурно-религиозные ассоциации, трансграничные/межрегиональные/межмуниципальные координирующие органы, объединяющие отдельные иммигрантские общины. Благодаря коммуникациям и транспорту проблема изначально дисперсных, изолированных и несплоченных общин в современном глобализированном мире решена. У современных диаспор, как правило, есть свои средства массовой информации, общественные объединения, лоббистские структуры и консультативные органы при органах власти страны иммиграции и, что очень важно, устойчивые каналы связи со страной исхода – финансово-инвестиционные, культурно-религиозные и семейно-родственные.

Не секрет, что многие иммигранты перечисляют часть своих доходов на родину в виде денежных переводов, из которых складывается более или менее значительная доля национального ВВП стран исхода

[6]. В случае достижения определенного уровня благосостояния эмигранты нередко начинают вкладывать средства в экономику страны исхода, как правило, в предприятия малого бизнеса, недвижимость и т.п. Кроме того, эмигранты в большинстве случаев продолжают использовать родной язык в повседневном общении, в том числе на рабочем месте. В условиях стрессовой ситуации отрыва от привычного социального контекста у многих эмигрантов актуализируется потребность в сохранении и поддержании своих национальных традиций, религии, языка, культуры и обычаев. Как отметил на одном из своих выступлений Президент РФ В.В. Путин, «многонациональный народ России и миллионы наших соотечественников за рубежом, объединяет весь так называемый русский мир» [7]. Представляется, что высказывание Президента России справедливо не только применительно к взаимоотношениям между выходцами из Российской империи, РСФСР и СССР и их потомками, в настоящее время проживающими за рубежом, и Российской Федерацией, но также и по отношению ко всем случаям взаимоотношений между любой страной мира и лицами некогда эмигрировавшими из нее. Впрочем, чем выше уровень полиэтничности и поликонфессиональности в стране эмиграции, тем сложнее стоит вопрос смыслового определения понятия «соотечественник» [8]. В этом случае государство при определении круга соотечественников старается избежать жесткой этнической или конфессиональной привязки и делает интегральным ядром понятия «соотечественник» идею общей истории, общей культуры и общего языка национальной коммуникации. Из постсоветских государств такую тактику избрала прежде всего Россия и в меньшей степени Украина. В государствах, имеющих относительно моноэтнический состав населения, напротив, соотечественником, как правило, считается лицо, имеющее определенное, документально подтвержденное этническое происхождение, нередко при этом владение языком данной этнической группы и определенное вероисповедание являются ожидаемыми и желательными с точки зрения ускорения процесса интеграции после реэмиграции. Такой подход характерен, например, для Греции, Казахстана, стран Балтии, Израиля, Японии.

В этой связи показателен пример бангладешской диаспоры, 88% представителей которой достаточно регулярно делают денежные переводы на родину, при этом главными назначениями платежей являются поддержка семьи и уплата закята (поскольку уплата закята привязана к определенному, достаточно высокому уровню доходов, то можно сказать, что сам по себе факт его уплаты свидетельствует о финансовом и имущественном благополучии индивида); следом идут взносы на развитие общины, приобретение собственности, расходы на благотворительность и оказание помощи пострадавшим от природных ката-

строф, а также пожертвования политическим партиям и организациям. Следует отметить, что в 1971 г. эмигранты из Бангладеш, проживавшие в странах Запада, преимущественно в Великобритании и США, играли активную роль в борьбе Восточного Пакистана за независимость – организовывали общественные комитеты, собирали деньги, создавали СМИ, встречались с местными политическими лидерами и фактически формировали общественное мнение в странах проживания о ситуации в их родном государстве [9].

Не секрет, что на протяжении XX в. часть политической элиты многих азиатских и африканских государств до того, как прийти к власти в родных странах получала образование и проживала в странах Западной Европы и Северной Америки. В 1990–2000-е гг. на пост президентов Литвы, Латвии и Эстонии избирались реэмигранты из США и Канады; бывший царь Болгарии Симеон II Саксен-Кобург-Готский, реэмигрировавший из Испании, возглавлял правительство Болгарии. После победы антиталибской коалиции в Афганистане из эмиграции вернулся Хамид Карзай, вскоре занявший пост президента страны не в последнюю очередь благодаря своей принадлежности к одному из наиболее влиятельных этнических кланов и наличию родства со свергнутом в 1973 г. королем Афганистана Захир Шахом.

Иногда правительства государств, на территории которых сконцентрированы более или менее многочисленные диаспоры выходцев из разных стран, пытаются извлечь из этого обстоятельства собственные политические дивиденды. Так, например, многочисленные общины кубинских эмигрантов, покинувших родину после 1959 г., сплоченные помимо общих этноконфессиональных характеристик еще и антикоммунистическими идеями, активно призывали США к противодействию кубинской революции и были использованы армией и спецслужбами страны, их принявшей, для подготовки и осуществления интервенции в бухте Кочинос в 1961 г. В этом отношении не следует забывать о рассредоточенных по многим государствам Азии, Европы и Северной Америки общинах тибетцев и чеченцев, социально-политическая деятельность которых привлекает к ним внимание мировой общественности и не только превращает проблему их возвращения на историческую родину в событие глобальной значимости, но и делает эти общины одним из средств, используемых крупными мировыми акторами в глобальной конкуренции за власть, влияние и ресурсы.

Все государства, имеющие продолжительную историю эмиграции, результатом которой стало формирование разбросанных по всему миру диаспор экспатриантов, прилагают усилия по использованию потенциала и ресурсов соотечественников. Эти усилия предпринимаются одновременно в трех сферах: политической, правовой и институциональной.

В политической сфере результатом таких усилий становится разработка и утверждение на правительственном уровне стратегии работы с соотечественниками, чаще всего в форме концепции, в которой отражается принципиальная готовность политической элиты решать вопрос о возвращении соотечественников. В правовой сфере проводится работа по изменению и дополнению существующего законодательства о гражданстве с тем, чтобы облегчить получение такового иммигрантами-соотечественниками. В институциональном отношении это проявляется в создании специализированных учреждений в структуре органов власти, ответственных за реализацию конкретных программ работы с соотечественниками.

Очевидно, что в условиях глобализации и ужесточения конкуренции на мировых рынках борьба между государствами за «умы, доходы и связи» соотечественников обострилась. Был актуализирован миф о национально-культурном единстве и его едином территориальном (государственном) очаге. В этом смысле процессы реэмиграции, стягивающие демографические ресурсы с определенными этнокультурными характеристиками под крыши национальных государств, в некотором смысле противоречат трендам глобализации и транснационализации. Поняв, что сегодня мигранты (а также их финансовые и интеллектуальные ресурсы) легко перемещаются по всему миру, страны исхода начинают активнее бороться за идентичность эмигрантов. Для вербального обозначения возвращающихся соотечественников в социально-политический и юридический лексикон во многих странах были введены различные наименования: «никкейдзины» – в Японии, «оралманы» – в Казахстане, «реторнадуш» – в Потругалии, «соотечественники» – в России, «репатрианты» – в Израиле, «аусландеры» – в Германии, «хуацяо» – в Китае, «вьет киеу» – во Вьетнаме и т.д. Сам факт наличия такого рода маркировки определенной социальной группы указывает на особое отношение к этим людям со стороны государства, в том числе выражающееся в материальных формах – праве на разного рода льготы, компенсации, субсидии, пособия и т. п.

Уже в первой половине 1990-х гг. ряд ученых начал разрабатывать теории транснационального гражданства и трансграничной идентичности мигрантов [10], основанных на либерально-глобалистском подходе, в рамках которого была сделана попытка противопоставить идее возвращения мигрантов на постоянное место жительства в страну исхода идею космополитизма, стирания границ между государствами и ликвидации жесткой привязки прав и свобод индивида к гражданству определенной страны.

Очевидно, что современные миграции все в большей степени становятся циркулярными, а идентичность людей, так же, как их социальные и культурные связи, собственность и источники доходов – разделились

между двумя и более странами. Эмиграция «навсегда» потеряла смысл и актуальность. Вместо нее возникла концепция циркулярной миграции. Смысл циркулярной миграции состоит в том, что индивиды физически могут постоянно перемещаться между любым количеством стран, находиться в любой точке глобального пространства и формально иметь гражданство любой страны, однако при этом обладать примерно одинаковым набором прав и свобод, в том числе политических, а также коммуникативных и поведенческих возможностей. В этом контексте жесткая политическая «привязка» индивида к определенной территории и определенной власти теряет свое значение.

Однако политика поощрения реэмиграции не всегда приносит стране, ее иницилирующей и проводящей очевидные и однозначные результаты. Реэмиграция соотечественников, проживающих в странах, отстающих в уровне экономического развития или сильно отличающихся в культурном плане от «родной» страны, ведет скорее к дополнительным проблемам, нежели к каким-либо выгодам как для самих реэмигрантов, так и для стран, в которые они

возвращаются. С такой ситуацией столкнулись, например, Германия, Казахстан и Япония. Этнические немцы, казахи и японцы, репатрирующиеся на родину, из России, Китая и Бразилии соответственно, в большинстве своем достаточно сильно отличаются от местного населения страны прибытия в плане уровня квалификации, ментальности и уровня владения государственным языком. Это ведет к тому, что принимающая страна оказывается вынуждена тратить значительные средства не только на размещение и первичное социальное обеспечение экспатриантов, но также на их обучение, повышение квалификации, обучение языку, реализацию различных программ адаптации и аккультурации.

Подводя итог, необходимо отметить, что политика, направленная на управление реэмиграционными процессами, является важной составляющей внешней и внутренней политики многих государств мира, а ее реализация напрямую связана с глобальными миграционными трендами и современным состоянием и перспективами политического и социально-экономического развития различных регионов мира.

Библиографический список

1. Левин, З.И. Менталитет диаспоры / З.И. Левин. – М., 2001.
2. Беженцы в цифрах – 2006 / УВКБ ООН. Женева, 2006 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.unhcr.ru/files/figuresinside2006.pdf>
3. Российская диаспора: история и современность / Г.Л. Мурадов, Ю.И. Каплун, М.Ю. Неборский и др. // Международный опыт поддержки соотечественников за рубежом. Мировая и отечественная практика. – 2-е изд. – М., 2007.
4. Андреева, Г. Государственная политика в отношении репатриантов и ее отражение в законодательстве [Электронный ресурс]. URL: <http://www.materik.ru/index.php?section=analitics&bulid=39&bulsectionid=2923>
5. Чесноков, А.С. Феномен постимперского развития и иммиграционная политика России / А.С. Чесноков // Взаимодействие политической науки с органами государственной власти в формировании политических процессов в РФ и новых независимых государствах. – Екатеринбург, 2006.
6. Ozden, C. International Migration, Remittances, and the Brain Drain / C. Ozden, M. Schiff. – Washington D.C., 2006.
7. Вступительное слово Президента России В.В. Путина на Всемирном конгрессе соотечественников, проживающих за рубежом. 24 октября 2006 г. Санкт-Петербург, Таврический дворец. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/text/appears/2006/10/112923.shtml>
8. Ларюэль, М. «Русская диаспора» и «российские соотечественники» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.polit.ru/research/2006/09/08/diaspora.html>
9. Siddiqui, T. Institutionalising Diaspora Linkage. The Emigrant Bangladeshis in UK and USA / T. Siddiqui. – Dhaka, 2004.
10. Soysal, Y.N. Limits of Citizenship: Migrants and Postnational Membership in Europe / Y.N. Soysal. – Chicago, 1994.